

Когда Сюэ Фэйфэн вернулся, он увидел, что Шэнь Цинжань уже крепко спит.

Его тело почти полностью утонуло в мягких перинах, а из-под одеяла виднелась лишь половина лица — чистая, белая, с легким нежным румянцем. Густые, длинные ресницы спящего едва заметно подрагивали.

В этот момент он походил на благородную барышню из богатого дома, которая волею судеб оказалась в холодной, окутанной сыростью крестьянской избе и теперь во сне то и дело пыталась натянуть одеяло повыше.

Эта мазанка у подножия горы давно пришла в запустение и требовала ремонта. На полу лежали обычные, грубые и неровные плиты из синего камня, так что даже если постелить два слоя холстины, спать здесь всё равно было жестко и неудобно.

Сюэ Фэйфэн постоял так какое-то время и тихо вздохнул. Должно быть, он совсем лишился разума, раз поддался на уговоры и пустил Шэнь Цинжаня в свои покои.

Обладая феноменальным слухом, он даже через стену отчетливо слышал, как его «супруга» храпит в соседней комнате, что уж говорить о сне в одном помещении.

Мужчина взял со своей постели еще одно, более плотное одеяло, накинул его поверх Шэнь Цинжаня, а сам лег рядом, не снимая верхней одежды.

Однако ожидаемого храпа так и не последовало. Эта ночь, вопреки его опасениям, выдалась на редкость тихой и спокойной.

Проснувшись поутру, Шэнь Цинжань обнаружил, что укрыт сразу двумя тяжелыми одеялами. Сюэ Фэйфэна в комнате уже не было. Парень, разумеется, решил, что это муж, уходя, проявил заботу и укрыл его потеплее.

Сладко зевнув, он вышел во двор и, опустив взгляд, заметил у порога целую гору свежих дров. Сюэ Фэйфэн как раз занимался их заготовкой.

Вот только колот он дрова... длинным боевым мечом.

Завидев вышедшую «жену», Сюэ Фэйфэн поднял на него взгляд и без особой надежды в голосе спросил:

— А где нож для колки щепы и топор?

Шэнь Цинжань растерянно почесал затылок и робко указал пальцем в сторону горы.

Сам он вчера не срубил ни единой ветки, а кухонный нож и вовсе позабыл в лесу. Что же касается топора, то в его памяти ничего такого не всплывало — очевидно, прежний хозяин тела умудрился потерять его, или же инструмент преспокойно утащил кто-то из деревенских побирушек.

«Ну и расточитель!» — мысленно обругал себя парень. Он заискивающе улыбнулся Сюэ Фэйфэну и поспешно юркнул на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Вскоре из кухонного окошка повалили клубы густого черного дыма. Шэнь Цинжань чуть не задохнулся, пока наконец не умудрился сварить котелок риса.

Котелок вышел огромным — этого запаса вполне хватило бы на трехразовое питание на весь

день.

Вдобавок он пожарил порцию яиц, которые получились щедро перемешанными с хрустящей скорлупой. Когда Шэнь Цинжань расставлял эти нехитрые яства на столе, он поймал себя на мысли, что до безумия соскучился по свежим зеленым овощам.

После этого он сходил к птичьему загону проведать огромного гуся. Птица, судя по всему, уже окончательно оправилась от вчерашнего обморока и выглядела вполне бодрой и свирепой.

Воспользовавшись моментом, Шэнь Цинжань втихаря скормил гусю подгоревший слой риса со дна котелка, чтобы окончательно скрыть следы своего кулинарного провала.

Сюэ Фэйфэн, глядя на этот наспех приготовленный в неурочный час завтрак, испытал легкое недоумение.

Шэнь Цинжань по привычке потянулся было к его ладони, чтобы написать ответ, но мужчина мягко перехватил его руку и развернул к столу, перед которым уже стояла небольшая пиала, наполненная чистой водой.

— Пиши водой на столе, — ровным тоном произнес он.

Шэнь Цинжань послушно обмакнул палец и вывел: «Давай с этого дня есть трижды в день, это полезно для заживления твоих ран».

Сюэ Фэйфэн молча и испытующе посмотрел на него.

«Ладно, признаю, просто я сам очень быстро начинаю испытывать голод», — сознался парень. — «Так можно?»

Сюэ Фэйфэн слегка покачал головой:

— Раз хочешь есть — ешь.

У Шэнь Цинжана от этих слов аж глаза повлажнели. Сюэ Фэйфэн был к нему излишне добр! Неудивительно, что прежний хозяин тела в край обнаглел от такой мягкости.

Парень поймал себя на мысли, что ему и самому захотелось сложить ручки и продолжить вести праздную жизнь изнеженного молодого господина.

— Помнится, у восточного края деревни, сразу за каменным жерновом, по правую сторону есть третий по счету участок земли. Там когда-то были посажены овощи. Если ты... — Сюэ Фэйфэн хотел сказать: «Если ты не успела запустить туда своих дружков, там еще должно было что-то остаться».

Но стоило Шэнь Цинжаню услышать это, как его глаза радостно вспыхнули. Прежний хозяин тела только-только прибыл в эти края, так что он наверняка и понятия не имел об этом тайном огороде, а значит, посадки могли уцелеть!

Не дослушав мужа до конца, парень сорвался с места и убежал.

Овощи, свежие овощи! Он же не видел их уже несколько дней!

Вскоре Шэнь Цинжань уже стоял возле огромных каменных жерновов. Какая-то деревенская семья как раз занималась помолом соевого молока: они черпали деревянной ложкой

размоченную сою, подливали воду, и из-под тяжелого камня струилась белоснежная, густая жидкость, источающая восхитительный свежий аромат.

Шел всего третий день с момента его появления в этом мире, и за всё это время его рацион состоял исключительно из пресного риса и вареных яиц. От утренней яичницы со скорлупой он изнеженно отказался, а вот Сюэ Фэйфэн съел её с абсолютно невозмутимым лицом.

Парень облизнулся. Когда же он наконец сможет разнообразить их стол?

Сюэ Фэйфэну действительно досталась на редкость непутевая «супруга», с которой приходится терпеть столько лишений. Он даже поймал себя на глупой мысли: почему вместо него в это тело не переселилась какая-нибудь хозяйственная главная героиня романа? Тогда его названный муж хотя бы питался по-человечески.

Шэнь Цинжань внимательно дважды пересчитал участки и наконец убедился, что именно это поле, засаженное кукурузой и еще какими-то неопознанными всходами, принадлежит их семье.

В этот самый момент двое молодых бездельников с самым непринужденным видом разгуливали прямо по его грядкам. Один из них бесцеремонно выдернул из земли пучок сочной ботвы, на конце которой болтался крошечный плод белого редиса, и разочарованно цыкнул:

— Тьфу, мелкая какая, даже на один зубок не хватит.

С этими словами он небрежно швырнул редиску в грязь и потянулся за следующим кустом!

Кто-то среди бела дня воровал его овощи! Овощи, которые Сюэ Фэйфэн сажал своими собственными руками, истекая потом!

Шэнь Цинжаня захлестнула дикая ярость. Закричать он не мог, поэтому в порыве гнева подхватил лежащий неподалеку длинный бамбуковый шест и со всего размаху опустил его на спины воришек, напрочь сбив обоих с ног.

— Это еще кто?! — Ли Чуньшэн подскочил, потирая ушибленный зад, но стоило ему узнать Шэнь Цинжаня, как в его глазах промелькнуло откровенное презрение. Он фамильярно, с издевкой ухмыльнулся: — О, да это же невестка Ли! Мы глядим, овощи на твоём поле уже совсем спели, если их вовремя не собрать — сгниют ведь.

Его брат, Ли Цюшэн, глумливо поддакнул, заговорив высокомерным, снисходительным тоном:

— Мы с братом прекрасно знаем, что ты, невестка, спину гнуть на грядках не любишь, вот и решили прийти на помощь по-соседски. Давай поступим так: мы поможем тебе собрать весь этот редис да кукурузу, денег за работу с соседей не возьмем, а собранный урожай поделим честно — две части тебе, а восемь нам!

Две части ему, а восемь этим бездельникам?! Да ради чего тогда вообще землю пахать?!

Шэнь Цинжань яростно стиснул зубы и принялся нещадно охаживать братьев бамбуковым шестом. Парни взвыли от боли, уворачиваясь от точных и резких тычков.

— Ах ты, дрянь неблагодарная! — завопили они. — Да после такого ты нам целую курицу выставить обязана, чтобы мы вообще за ум взялись и помогли тебе!

«Да вы и так уже всех кур в доме сожрали, откуда там новым взяться?!» — у Шэнь Цинжана сердце кровью обливалось при одном упоминании о птице.

Прежний хозяин тела за день съедал максимум пару куриных ножек, в то время как эта банда бездельников забивала по две птицы в день, без спроса жрала отборный рис и утаскивала из дома любые понравившиеся вещи, даже не думая предупреждать хозяев.

Ли Чуньшэн, вспомнив, что вчера Ли Фэн как раз вернулся из поездки и наверняка привез с собой немало заработанных денег, сузил свои крысиные глазки и слащаво протянул:

— Брат Ли ведь вернулся, неужто тебе теперь придется самой у плиты стоять да готовить? Брось ты это дело, бери лучше серебро да приходи к нам в дом обедать.

Эти двое братьев, Ли Чуньшэн и Ли Цюшэн, были заядлыми деревенскими бобылями, в их доме не водилось ни стариков, ни женщин. Нужно быть последним дураком, чтобы добровольно переступить их порог.

«Проваливайте!»

Шэнь Цинжань резким движением шеста подцепил кусок влажной земли и швырнул его прямо в лица братьев, знатно размазав грязь по их физиономиям. Поняв, что невестку Ли больше не удастся обвести вокруг пальца так же легко, как раньше, братья переглянулись, торопливо ухватили по охапке редиса и бросились наутек.

Шэнь Цинжань проводил взглядом их удаляющиеся спины и зажатый в руках краденый редис. Догнать их он не мог, закричать и позвать на помощь — тоже, отчего едва не задышался от бессильной обиды.

«Ничего, погодите у меня. Я обязательно накачаю себе крепкие мускулы, вот увидите».

Парень без сил опустился на край земляной межи, тяжело переводя дыхание. Немного подумав, он решил, что об этом происшествии лучше ничего не говорить Сюэ Фэйфэну.

Эти негодяи явно воспользовались тем, что хозяин дома остался калекой, и потому бесчинствовали без всякого страха. Но это было горькой правдой, и лишние разговоры лишь добавят его названому мужу душевных страданий.

Спустя некоторое время к полю подошел еще один деревенский парень. Он остановился прямо перед Шэнь Цинжанем и молча протянул вперед руку, на ладони которой лежала связка медных монет.

— Я... возвращаю долг, — неловко пробормотал он.

Этого юношу звали Ли Юэ. Несколько дней назад его старая матушка тяжело занемогла, и ему срочно требовались деньги на лекарства. Подстрекаемый местными бездельниками, он пришел просить займы у невестки Ли.

Прежний хозяин тела, разумеется, делиться добром не пожелал, но крутившаяся в его доме банда решила проявить щедрость за чужой счет. Под предлогом помощи односельчанину они попросту отобрали у Шэнь Цинжана кошель, отсчитали Ли Юэ двадцать монет, а несколько крупных серебряных осколков втихаря заныкали себе в карманы, вернув законной хозяйке абсолютно пустой мешочек.

Они прослыли благодетелями за чужой счет, да еще и обокрасть не забыли. Прежний владелец тела тогда разозлился до беспамятства, но из страха, что эти парни откажутся готовить ему еду, был вынужден сделать вид, будто ничего не произошло.

Нынешний Шэнь Цинжань понятия не имел обо всех этих хитросплетениях прошлого. Раз дают деньги — надо брать. Чем это не подарок, свалившийся прямо с небес?

Парень с сияющим от радости лицом принял монеты. Ли Юэ, судя по всему, и сам прекрасно понимал, что этот заем трудно назвать честным, поэтому, не став задерживаться, наскоро пробормотал слова благодарности и поспешил уйти.

Надо же, какой оживленный сегодня выдался день! Когда к грядкам направился четвертый по счету человек, Шэнь Цинжань едва мысленно не воскликнул: «Неужто ты тоже пришел возвращать мне долги?»

Сейчас он был настолько беден, что в каждом встречном готов был видеть своего должника.

Присмотревшись, он узнал тетушку Чжан.

Поле после набега братьев являло собой плачевное зрелище: неокрепшие, едва начавшие расти плоды редиса были безжалостно выдраны с корнем и разбросаны повсюду.

Тетушка Чжан, едва взглянув на этот разгром, сокрушенно вздохнула: «Ах, какое беззаконие творится, прости Господи!» Она указала рукой на нетронутый край грядки и мягко произнесла:

— Этот редис нужно собирать только после того, как пройдут первые зимние холода, тогда он нальется соком. На моем огороде как раз поспели тыквы-горлянки, ступай-ка, сорви парочку к обеду, пожаришь с маслом.

Заметив, что Шэнь Цинжань стоит перед ней с совершенно растерянным видом, явно не имея ни малейшего представления о ведении хозяйства, женщина принялась терпеливо наставлять невестку:

— Молодую ботву редиса тоже не стоит выбрасывать, она вполне съедобна. Её можно поддержать пару дней над паром в бамбуковой пароварке, а затем засолить в чане. Такая соленая зелень может спокойно храниться целый год и не испортится.

Шэнь Цинжань слушал её с круглыми от удивления глазами — ведь еще секунду назад он собирался попросту выбросить всю эту зелень в канаву.

Под чутким руководством тетушки Чжан парень сходил на её огород, сорвал крупную спелую тыкву, после чего, бережно прижимая к груди огромную охапку редисовых листьев, счастливый отправился домой.

В полдень Шэнь Цинжань с величайшим трепетом и благоговением трижды промыл тыкву-горлянку в чистой воде и принялся аккуратно нарезать её на кусочки. О том, что с овоща необходимо предварительно снять плотную кожуру, он, разумеется, даже не догадывался.

Он изо всех сил старался делать каждый ломтик ровным и одинаковым. Налив на дно котелка немного масла, он бросил туда нарезанную тыкву и принялся усердно помешивать. Масло аппетитно зашипело, и парень удовлетворенно улыбнулся, глядя на плоды своего труда.

Вот только почему овощ никак не хотел становиться мягким?

Шэнь Цинжань в недоумении заглянул под котелок и обнаружил, что дрова в топке давно догорели и огонь полностью погас.

Он поспешно опустился на корточки и принялся заново раздувать пламя. Как только огонь весело затрещал и разгорелся с новой силой, парень внезапно замер, предчувствуя неладное. Он резко вскочил, заглянул в котелок и обнаружил, что его тыква уже успела знатно подгореть и превратилась в черную кашицу.

«...» — парень обреченно вздохнул.

Что ж, придется есть то, что получилось.

В конце концов, Сюэ Фэйфэн, судя по его виду, был человеком непритворным в еде, а армейские повара в его полку наверняка готовили еще хуже.

Гвардеец Чан Бай прошлой ночью до самых вторых петухов валил для своего господина деревья в лесу, но до наступления рассвета успел лишь притащить их к дому, так и не успев наколоть на мелкие щепки. Поэтому Сюэ Фэйфэну пришлось самому всё утро заниматься заготовкой дров.

Нельзя было не признать: готовила его «супруга» из рук вон плохо, а вот сухие дрова улетали у неё с какой-то космической скоростью.

Когда на столе наконец-то появилось долгожданное блюдо из зеленых овощей, Шэнь Цинжань с абсолютно невозмутимым видом пододвинул тарелку поближе к Сюэ Фэйфэну: «Ешь».

У Сюэ Фэйфэна от одного вида этого кулинарного шедевра едва заметно дернулся уголок рта:

— Спасибо за труды.

Он подцепил палочками кусочек подгоревшей тыквы, отправил его в рот и в то же мгновение нахмурился.

Горькая?!

К тому, что еда у Шэнь Цинжана вечно подгорает, он уже успел морально подготовиться, но откуда в обычной тыкве взялся этот жуткий, концентрированный горький вкус?

Шэнь Цинжань тем временем с искренним ожиданием и надеждой заглядывал ему в глаза, словно спрашивая: «Ну как, съедобно?»

Сюэ Фэйфэн с абсолютно каменным лицом проглотил кусок. Давать оценку этому блюду он не решился, а просто молча придвинул тарелку обратно к Шэнь Цинжаню, безмолвно предлагая: «Попробуй сама».

Парень послушно взял свои палочки. В прошлой жизни он отличался редкой привередливостью в еде: если блюдо казалось ему невкусным, он ни за что не прикоснулся бы к нему, предпочитая питаться одним лишь пресным рисом.

Каждый день он умудрялся изобретать всё новые способы приготовить редкую гадость, и делал это исключительно ради Сюэ Фэйфэна.

Сам он искренне считал, что сегодняшний тушеный овощ должен был получиться вполне сносным, но инцидент с братьями на поле заставил его немного усомниться в своих силах,

поэтому до этого момента он вежливо не притрагивался к еде.

Заметив, что Сюэ Фэйфэн отложил палочки, Шэнь Цинжань наконец решился попробовать один кусочек.

Стоило горькому ломтику коснуться его языка, как лицо парня мгновенно перекошилось.

Он приложил колоссальные усилия, чтобы не выплюнуть эту гадость прямо на глазах у мужа, изо всех сил пытаясь сохранить последние крохи достоинства повара. С самым независимым видом он поспешно прикрыл рот пиалой и тихонько выплюнул горькую массу на самое дно, под остатки риса.

Когда пришло время убирать со стола, Сюэ Фэйфэн случайно перевел взгляд на дно миски Шэнь Цинжана. Заметив, как «супруга» суетится, а из складок одежды на ее поясе доносится отчетливый металлический звон и виднеется связка новеньких медных монет, мужчина нахмурился, и в его взгляде промелькнуло глубокое подозрение.

Шэнь Цинжань поспешно прикрыл ладонью пиалу и с густо покрасневшим от стыда лицом бросился к тазу, чтобы поскорее вымыть посуду.

«У Сюэ Фэйфэна что, вообще вкусовые рецепторы отшибло?! Как можно было такое преспокойно проглотить и даже не поморщиться?!» — сокрушался парень.

Закончив с уборкой, Шэнь Цинжань в приподнятом настроении вышел со двора, весело подбрасывая на ладони внезапно доставшиеся ему медные монеты. Весь путь до края деревни с его лица не сходила довольная улыбка.

Когда он возвращался с поля, то за приметил на одной из улочек дом местного плотника. Теперь у него были деньги, и он твердо вознамерился раздобыть для Сюэ Фэйфэна кресло на колесах. Таким образом, его названому мужу больше не придется постоянно опираться на тяжелые костыли, и мышцы его рук смогут наконец получить долгожданный отдых.

Старого мастера звали дядя Юй. Увидев, что Шэнь Цинжань настойчиво указывает пальцем на готовое инвалидное кресло, но при этом может предложить за него всего лишь сорок медных монет, плотник лишь сокрушенно покачал головой:

— Не продам.

— У-у... М-м... — Шэнь Цинжань обиженно надул губы.

Никаких других сбережений у него с собой не было. Он принялся судорожно ощупывать свои карманы и складки халата, пока его пальцы случайно не наткнулись на пару серебряных браслетов на запястьях.

Парень, не задумываясь, шустро стянул украшения и протянул их старому мастеру вместе со всеми медными монетами.

«А так — пойдет?»

Дядя Юй неторопливо попыхивал своей трубкой с сухим табаком, внимательно разглядывая стоящую перед ним «невестку».

До него и раньше доходили слухи, будто супруга Ли Фэна — девка редкостной

расточительности, которая только и знает, что крутить хвостом перед деревенскими парнями. Но судя по тому, что он видел своими глазами прямо сейчас, эта девица пришла сюда с одной единственной целью — раздобыть кресло для своего покалеченного мужа.

— Это кресло я вообще-то собирался везти на продажу в уездный город, цена у него немалая, — проворчал старик. — Но раз уж я вижу, что ты пришла сюда с чистым сердцем, давай поступим так: ты поможешь мне перебраться вон ту кучу соевых стручков, и мы сочтем это за доплату.

Дядя Юй указал пальцем на возвышающуюся неподалеку гору сухой соевой ботвы. Шэнь Цинжань замер с абсолютно блуждающим, непонимающим выражением лица.

Старый плотник раздраженно цыкнул, сокрушаясь о полной непригодности городской девки к труду:

— Эх ты, горе луковое! Смотри сюда: сперва берешь вот ту штуку, обмолачиваешь кучу, чтобы бобы сами выскочили из стручков. Те, что останутся на ветках, долущиваешь руками. После этого тщательно перебираешь всё от мусора и хорошенько просеиваешь через сито. Поняла?

— Угу, — Шэнь Цинжань послушно и робко кивнул.

И вот, под непрекращающиеся громкие крики и понукания старого мастера, парень битый час неуклюже возился с сухими ветками. Мелкие волоски от стручков кололи всё тело через одежду, а острые сучки то и дело безжалостно вонзались в нежную кожу рук.

— Ладно, ступай уже отсюда, — наконец махнул рукой дядя Юй. — Смотреть на то, как ты работаешь — только душу себе бередить, у меня аж сердце за тебя болит.

Шэнь Цинжань устремил на кресло полный тоски и надежды взгляд.

— Забирай, забирай уже, иди с Богом.

Парень так обрадовался, что трижды низко поклонился старому плотнику в знак глубочайшего почтения, после чего с трудом подхватил тяжелое деревянное кресло и поволок его в сторону дома.

Деревенские дороги сплошь состояли из глубоких луж и вязкой грязи. Чтобы Сюэ Фэйфэн получил абсолютно чистое, новенькое кресло, Шэнь Цинжань не стал катить его по земле, а тащил на себе, изо всех сил стараясь, чтобы на деревянные детали не попало ни единой пылинки.

— Уф... — парень остановился, тяжело переводя дух и вытирая капли пота со лба.

Внезапно в его желудке всё завертелось, к горлу подступила резкая тошнота, а в теле образовалась сильная слабость. Ему пришлось посидеть неподалеку от дороги какое-то время, пока неприятные симптомы наконец немного не утихли.

«Странно, сегодня ведь я вроде бы не ел ничего такого, от чего могло бы так сильно скрутить?» — подумал он.

Спустя час после завершения полуденной трапезы Сюэ Фэйфэн с полной отчетливостью осознал, что его отравили.

В горле пересохло, силы стремительно покидали тело, голову разрывало от дикой боли, сердце бешено колотилось в груди, а сознание постепенно застилала тяжелая, липкая тьма.

Перед его глазами мгновенно всплыл образ той тарелки с тушеной тыквой, которая имела столь странный, неестественно горький вкус.

Эта «женщина» сама не прикоснулась к еде ни единым разом...

К тому же при ней откуда ни возьмись появилась связка чужих медных монет...

Поведение Шэнь Цинжана в последнее время изменилось слишком резко. Сюэ Фэйфэн с самого начала подозревал, что за этим кроется какой-то подвох, но всё же проявил непростительную слабость и угодил в расставленную ловушку.

В его памяти одно за другим начали всплывать страшные видения битвы при Пуяне: верный заместитель, который в самый ответственный момент внезапно поднял против него оружие; наследный принц Сюэ Лифэн, который с жестокой ухмылкой наносил удар за ударом, стремясь лишить его жизни; безразличный, холодный взгляд императорского двора, безучастно наблюдавшего за этой бойней...

Каждая картина его прошлого была густо окрашена кровью погибших воинов и веяла безграничным предательством.

Ему не следовало проявлять мягкосердечие ни к одной живой душе... В этом мире нельзя верить никому.

Сюэ Фэйфэн, преодолевая сковывающую разум дурноту, принялся лихорадочно перебирать принесенные из леса целебные травы. На тыльной стороне его рук зловеще вздулись крупные синие вены, а ладони, покрытые толстым слоем застарелых мозолей от рукояти боевого меча и конских поводьев, мелко дрожали.

В конце концов он отыскал два корешка, обладающих сильным противоядным свойством. Времени на то, чтобы разводить огонь и готовить лечебный отвар, у него не оставалось, поэтому он просто запихнул сухие корни в рот и принялся яростно разжевывать их, давясь горьким соком.

В этот самый момент со двора донесся негромкий, шуршащий звук. Слышалось, как кто-то с большим трудом тащит по земле какой-то тяжелый, массивный предмет.

Этот скрежет до боли напоминал Сюэ Фэйфэну ту зловещую ночь, когда вражеские лазутчики бесшумно подбирались к его военному лагерю, волоча по траве тяжелые деревянные бочки, доверху наполненные горючим маслом.

Взгляд Сюэ Фэйфэна мгновенно стал леденящим и хищным. Он резко повернул кисть руки — и длинный боевой меч со свистом покинул ножны, с треском разбив деревянную раму окна и устремившись острием прямо в грудь того, кто стоял за дверью.